

ФРОНТОВАЯ РАЗВЕДКА

АРТЕМ ДРАБКИН

**ФРОНТОВЫЕ
РАЗВЕДЧИКИ**

«Я ХОДИЛ ЗА ЛИНИЮ ФРОНТА»

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2014

УДК 355/359
ББК 67.401.212
Д 72

Драбкин А. В.
Д 72 Фронтовые разведчики. «Я ходил за линию фронта» / Артем Драбкин. — М. : Яуза : Эксмо, 2014. — 448 с. — (Фронтовая разведка).

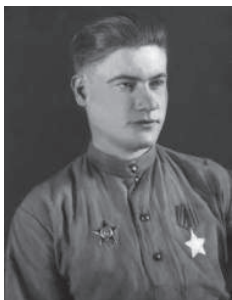
ISBN 978-5-699-71732-3

«Я пошел бы с ним в разведку» — говорят о человеке, на которого можно положиться. Вот только за время, прошедшее с войны, исходный смысл этой фразы стерся и обесценился. Что такое настоящая войсковая разведка, чего стоил каждый поиск за линию фронта, какой кровью платили за «языков» и ценные разведсведения — могут рассказать лишь сами полковые и дивизионные разведчики. И каждое такое свидетельство — на вес золота. Потому что их осталось мало, совсем мало. Потому что шансов уцелеть у них было на порядок меньше, чем у других фронтовиков. Потому что, как признался в своем интервью Ш. Скопас: «Любой фильм ужасов покажется вам лирической комедией после честного рассказа войскового разведчика о том, что ему пришлось увидеть и испытать. Нам ведь очень и очень часто приходилось немцев не из автомата убивать, а резать ножами и душить руками. Сами вдумайтесь, что стоит за фразой «я снял часового» или «мы бесшумно обезвредили охрану». Спросите разведчиков, какие кошмары им сняты до сих пор по ночам...» И прежде чем сказать о ком-то, что пошли бы с ним в разведку, спросите себя самого: а сами-то вы готовы пойти?

УДК 355/359
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-699-71732-3

© Драбкин А.В., 2014
© ООО «Издательство «Яуза», 2014
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ИВАНОВ Мстислав Борисович

★ Я родился в 1924 году в городе Костроме. В семье я был единственным ребенком. Мой отец, бывший подпоручик царской армии, преподавал физику в школе ФЗО. В 1930 году отцу дали пять лет. Три с половиной года просидел — отпустили. В лагере он был заместителем начальника электростанции Кузнецкого бассейна. Как он потом говорил: «Мне там доверяли так, как на гражданке уже не доверят». В Кострому он уже не вернулся — мы переехали в Ката-курган. Оттуда мы с ним ушли на войну. Он погиб под Полтавой при штурме села Жоржевка. По официальным данным, пропал без вести. Но комсомольцы, когда хоронили убитых, нашли у него письмо и переслали матери.

Война началась, когда я окончил 9 классов. Все рванулись в военкоматы, лишь бы взяли, ну, я тоже. День рождения у меня 3 января — я почти 1923 года. Но меня все равно не взяли. Только по окончании школы, 20 сентября 1942 года, меня мобилизовали. Отправили в Ташкентское пулеметно-минометное училище. Там за три месяца из нас должны были сделать лейтенантов. В училище мне присвоили звание сержанта, и я стал командиром отделения. Мы уже сдавали экзамены, когда наш курс бросили под Сталинград. Причем отделение отправили, а меня как отличника оставили, чтобы я досдал экзамены. Но я рвался ехать со всеми — оставляли не только отличников, но и блатных, и мне не хотелось, чтобы обо мне думали как о дезертире. Я больше десяти раз ходил к начальнику училища, просил, чтобы меня отправили с ребятами. Он меня выгонял, говорил, что я больше принесу пользы

на фронте, будучи лейтенантом. В какой-то момент он не выдержал, выругался и занес меня в список отбывающих на фронт.

Когда мы прибыли под Сталинград, потребность в таком количестве квалифицированных пулеметчиков и минометчиков отпала. Нас и еще эшелон узбеков просто влили в 252-ю стрелковую дивизию, потрепанную в боях. Разбросали курсантов кого куда. Я пошел в полковую разведку — там больше сам думаешь, чем кто-то за тебя. Со мной пошли и все ребята моего отделения.

— *Чему учили в Ташкентском пехотном училище?*

— Начальником училища был полковник Мешечкин, пришедший с фронта после ранения в живот. Занятия по 12 часов... Все на воздухе, невзирая на погоду! В Ташкенте тоже зима не сахар: и слякоть, и дождь, и снег. Топографию надо бы в классе преподавать, а мы — на улице. Преподаватель стоит, дрожит, мы все дрожим, а он нам рассказывает всякие координаты. Я учился на командира взвода пулеметов «максим». У пулемета 22 типа задержек. Самое трудное — снаряжать матерчатую ленту. Никаких машинок не было. Ограничителей нет — все на глазок. Чуть перекосил — его заело. Да еще он тяжеленный, гад. Марш-броски... Я физически был крепкий. У нас от роты надо было отправить взвод на соревнования — с полной выкладкой бежать 20 километров. Мы заняли первое место! Нас потом хорошо покормили. Хлеб был, что-то мясное было, но все равно не хватало — такая страшная физическая нагрузка. Когда назначали отделение дежурным по кухне, я съедал котелок супа и котелок каши за раз. Как-то раз нас послали разгружать эшелон со свиными тушами. У каждого был нож, и каждый что-то отрезал от свиньи. Один раз послали в погреб, разгружать бочки с топленным салом. Мы голодные. В подвале была капуста и эти бочки. Расковыряли одну. Много ли сожрешь его без хлеба?! Давай с капустой его жрать! Все попали в госпиталь, кроме меня, желудок оказался крепче всех. Но сливочное масло до сих пор не могу есть. Настроение в училище было нормальное — быстрее на фронт!

Попали мы на Курскую дугу. В самую мешанину. За три дня боев в ротах из 100—120 человек осталось по 5—10 человек. В этой катавасии мое отделение получило первое задание — по возможности связаться с соседями и взять «языка». Надо сказать, что в отделении, кроме курсантов, был здоровый парень Федя, который недавно освободился после вооруженного ограбления ювелирного магазина. И один казак после госпиталя. Мы пришли в окопы. Пехота обрадовалась: «О! Пополнение! Восемь человек!» — «Нет, ребята, мы на задание. Надо взять «языка». — «Не возьмете: растянули колючую проволоку, оставили только коридоры, чтобы им можно было ходить в атаки. Подходы заминированы. Против каждого коридора по два пулеметчика. Кроме того, перед пулеметами в боевом охранении автоматчики. В общем, не пройдете».

Я подумал: «Всем идти — погибнем, а ничего не сделаем». Говорю: «Кто пойдет со мной?» Все подняли руки, даже кто и не хотел. «Федя, полезли с тобой. Пойдем прямо на пулеметчиков. С двумя справимся».

Август. Трава сухая. Немцы ракету пускают и стреляют. Ракета потухнет — затишье, и мы ползем. Автоматчиков в охранении мы проползли. До окопа оставалось метров двадцать. Только потухла ракета, я приподнялся на локтях — посмотреть, увидел, что за пулеметом действительно два человека. Еще подумал: как-нибудь с ними справимся. Может быть, трава хрустнула или автоматчик наобум очередь дал. Только одна пуля попала в меня, вошла в правую лопатку, из левой вышла, зацепив левое легкое. И так стало обидно: на первом задании, ни разу не выстрелил по врагу, а уже готов! Кровь хлынула изо рта, и я потерял сознание. А потом чувствую, что сознание проясняется, но говорить не могу, изо рта кровь идет, руки не работают — прострелены лопатки. Я сам «язык» — приполз прямо к немцам, бери — не хочу. У меня и гранаты, и пистолет, а застрелиться не могу. Потом чувствую, меня кто-то сзади за ноги берет и тащит. Федя! Сам отползет, меня подтянет, отползет, подтянет. Так в какую-то воронку он меня спустил. Я хриплю. Говорит: «Славка, что с тобой?» Разорвал гимнастерку — там дырки и кровь. «У тебя пуля насквозь,

ты умрешь». Я замотал головой: нет, не умру. Он меня перевязал. Говорит: «Поползу за ребятами, а то один я не вытащу тебя». Приползли ребята, положили меня на плащ-палатку. И побежали, потому что ползти — это длинная история, а ночь на исходе. Как только ракета потухнет, они встают во весь рост и бегом. Ракета шелк, они меня бросают... Я помню только первый бросок, после него я в сознание пришел уже в наших окопах. В общем, вытащили меня. Принесли, положили с тяжелоранеными. На задание шли без документов, без знаков отличия... Ребята обещали отправить документы в санроту, а сами ушли докладывать, что не смогли выполнить задание, что я ранен. Тут прибегает какой-то лейтенант: «Срочно вывозите тяжелораненых, нас окружают немцы! Осталась одна дорога и та простреливается!» Положили меня и еще двух человек на двуколку без рессор с большими колесами. Ездовой старичок по этой простреливаемой дороге галопом как дал! Помню только первую кочку... Очухался уже в санроте. В санроту пришли ребята, принесли документы. Из санроты меня в госпиталь, в Борисоглебск. Там пролежал недолго, и меня перевели в команду выздоравливающих на станции Хреновая. У меня одышка, а меня уже выписали! Говорю: «Я еще и дышать толком не могу. Куда вы меня выписываете?!» — «Ничего, если второй раз ранят — придешь, долечишься. А если убьют — чего лечить?» Юморной врач попался.

Набрался нас таких выздоравливающих целый взвод, и привезли нас в запасной полк. Не полк, а лагерь какой-то. Территория огорожена колючей проволокой. Длинные столы под открытым небом для питания. Мисок нет, ложек нет. Приносят бачок первого на 20 человек и два бачка второго — каши. Должны съесть за определенное время. Потом команда: «Выходи строиться!» Приходят следующие. На помойке все собирают консервные банки, делают из них котелки. Кто прямо в пилотку наливает — жрать охота. Я познакомился с разведчиком Яшей, тоже после ранения. Мы решили, что это не по нам. Сделали подкоп под проволокой и пошли по огородам. Где картошки накопалем, где свеклы. Варили в котелках, сделанных из больших

консервных банок. Приезжают покупатели: «Летчики! Танкисты! Артиллеристы!» Все шаг вперед, лишь бы вырваться оттуда, потом разберемся, что к чему. Нас с Яшей отобрали в пехоту и — на форсирование Днепра... Меня, как обстрелянного, назначили помкомвзвода. Командир взвода, лейтенант, говорит: «Я тебя в рожу запомню, а ты запомни рожи всех командиров отделений, а они пускай своих тоже запомнят, иначе мы друг друга не найдем». Раздали винтовки, автомат у меня и у командира взвода. Все оружие заржавевшее. Его собрали с поля боя и нам дали. Мой автомат стрелял одиночными. У лейтенанта — короткими очередями. Один из старичков говорит: «Подойди, не знаю, как из винтовки стрелять». — «Вот ты дожил до таких лет и не знаешь». Беру винтовку, дергаю затвор раз, раз — не открывается! Я попытался ногой — не получается... Вот с таким оружием мы форсировали Днепр.

Подошли к реке ночью. Тьма кромешная. Только ракеты немцы вешают. При их свете погрузились на понтон. Саперы ногами его оттолкнули: «Вперед, пехота, — на том берегу немцы». С юмором ребята.

Самолеты летают, ракеты вешают и бомбят Днепр. С берега обстреливают. Перед посадкой договорились с лейтенантом, чтобы ни одного выстрела с нашего понтона не было. Гребем тихо, пусть думают, что на понтоне все убиты или он просто плывет без людей. По другим понтонам открывают огонь, а по нам никто не стреляет. Переправились без потерь. Высадились на песчаном берегу. Берег обрывистый. Наверху — немцы. Мы у них под ногами, можно бросать в нас камни, из рогатки стрелять. Начали окапываться, а там песок — лопату выбросишь, две насыпалось. Мы, как курицы, разгребли его чуть-чуть и зарылись. Нам сказали, что мы должны пойти в наступление и взять село, которое примерно в полукилометре. Говорим: «Давайте атаковать ночью. Если рассветет, они же нас расстреляют!» Приказ на наступление пришел, когда рассвело... Командир взвода на одной стороне цепи, я — на другой: «Справа, слева по одному короткими перебежками...» Все лежат — никто не хочет умирать. Мы с командиром бегаем с одного фланга на другой. Пока одного

поднимешь, он побежит, к другому бежишь — поднимаешь. Немцы заметили, что кто-то бежит, и, когда я залег, открыли по мне огонь из малокалиберного миномета. Яшка лежал рядом со мной на правом фланге. Мина взорвалась за мной — мне в задницу попал осколок. Я говорю: «Яшка, я поймал осколок в задницу. Пока терпимо». Потом взорвалась вторая мина — и под коленку второй осколок попал. Я кричу: «Лейтенант, меня ранило не тяжело, осколки в ногах сидят!» — «Сам выползешь?» — «Выползу». Сам думаю: «Опять меня первым ранило!» Пополз назад. Нашлась какая-то медсестра. Перевязала меня. Смотрю, идет Яшка, рука болтается. Ему осколком перебило нерв, кисть не работала. Говорит: «Ты только отполз, третья мина прямо на твое место угодила. Осколками ее меня и ранило». Подошли с ним к Днепру. Уже светло. Раненых сажают на лодки и отправляют на восточный берег. Немцы лупят по этим лодкам почем зря. Мы посмотрели на это дело и поняли, что надо что-то придумать. Тут какой-то старичок с маленькой хреновенькой лодочкой. Мы говорим: «Дед, перевези нас на тот берег». Мы легли на дно лодки, и он нас благополучно перевез. Нас положили в санбат. Далеко не эвакуировали — легкие ранения. Подлечились. Направили по разным дивизиям. Я попал уже в 303-ю Краснознаменную Верхнеднепровскую дивизию. В штабе я сказал, что разведчик: «Потом разберемся, сейчас надо форсировать Днепр». Провоевал немного в пехоте, и меня взяли в дивизионную разведку. Во взводе пешей разведки этой 303-й дивизии я провоевал до окончания войны. Командовал дивизией генерал-майор Федоровский Константин Степанович. Очень храбрый человек. Всегда ходил в бурке и папахе. Ему говорили: «Разве можно так ходить, наденьте полевую форму». — «Меня солдаты только так знают!»

Погиб он 28 декабря 1944 года. Мы попали в окружение из-за румынских соседей. Он пошел поднимать пехоту. Его, конечно, заметили и открыли огонь из миномета. Осколок попал в живот. Мы, разведчики, вытащили его сквозь кольцо окружения. Оставили в госпитале, но во время операции он умер. После него дивизию принял Панов Иван Дмитриевич.

Сначала я был командиром отделения, потом помкомвзвода, командиром взвода, помощником командира разведроты. Одно время даже был командиром роты, когда того ранило. В подчинении у меня были старшие лейтенанты, капитаны. В разведке вообще чины не почитались — только опыт и знания. Бывало, пришлют со школы молодого лейтенанта. Он теоретически все знает, а практически ничего не умеет. Вот такого назначают начальником поиска. Выползаем на нейтральную полосу, один из наших к нему подползет и говорит: «Знаешь что, лейтенант, сегодня на задании командовать будет вон тот сержант. Ты ползи где хочешь. Вернешься — доложишь командирам о выполнении задания, а мы умирать просто так не хотим». Тот, кто понимал, — свой парень. А тех, кто начинал ерепениться, приносили мертвыми. Законы были суровые.

По штату в дивизионной разведке положено иметь 120 человек пеших разведчиков и 40 человек в разведэскадроне. Но нас всегда не хватало. Пешие и конные смешались. Все пользовались ворованными конями. И мне выдали коня — сперли у казаков маленькую черную монгольскую лошадь. Они были выносливые, хорошо бегали. Я его звал Воронком. Он перепрыгивал через любое препятствие. Я его никогда не забуду. Он, смертельно раненый, вытащил меня из-под обстрела.

Обстреляли нас на открытой местности — не спрятаться. Пулеметная очередь попала ему в бок. Он сам развернулся, забежал за стог сена и упал. Умер на моих глазах. Таких коней у меня больше не было...

ДЕЙСТВИЯ РАЗВЕДКИ

В разведку брали только добровольно откуда угодно. Перед концом войны никто не шел в разведку. Катастрофически не хватало кадров. Брали из штрафных рот и батальонов. Штраф снимался, если идешь в разведку. И то шли только оторвы... Воевала в разведке молодежь. Мужики постарше или конюх, или ездовой, но тоже считался разведчик! У них желание выжить было больше...

Разведчики 303-й стрелковой дивизии

Основное задание у пеших разведчиков — это достать «языка» любой ценой, разведать оборону противника, его ближние тылы. Если связь прервана с соседями, значит, наладить связь с соседями. Очень часто нас использовали вместо пехоты.

В тыл ходили в пределах двадцати километров. В зависимости от обстановки, задачи можно было задержаться за линией фронта на несколько дней. Глубже ходили фронтовые разведчики в немецкой форме, в совершенстве знающие немецкий язык. Мы их только провожали через линию фронта, они шли дальше, а мы возвращались.

— *Как часто ходили в поиски?*

— Положено после задания давать отдых. Но бывало и так, что нужен «язык», хоть убейся. Тогда ходили из ночи в ночь.

— *Как вы подбирали группу, которая пойдет на задание?*

— Прежде всего брал только добровольцев. Если задание ответственное, то чаще всего его давал командир дивизии, если не очень важное — то его заместители. Мне все рас-

сказывали. Приходишь и объясняешь всем разведчикам, что от нас требуется. Решаешь сам, сколько нужно человек. Спрашиваешь, кто согласен идти на это задание. Потому что даже у храбрых, нормальных парней бывают моменты, когда появляется страх. У меня тоже были такие моменты: вот боюсь идти на это задание, и все! Оно не особенно ответственное, но какой-то внутренний голос, какое-то чувство... говорит: «Нельзя!» Нельзя брать на задание такого человека, потому что у него могут нервы не выдержать. Поэтому спрашиваешь: «Ребята, кто пойдет?» Если он руку не поднял, то, значит, сегодня не уверен в себе, его лучше не брать. Отбираешь, сколько тебе нужно, из тех, конечно, на кого больше надеешься. Я всегда так подбирал. Конечно, получалась группа, которая постоянно ходила на задание, и были те, кто сидел в тылу. Это естественно — чаще берешь тех, на кого надеешься. Но молодых, неопытных, тоже с собой брали в группу обеспечения. Им говорили: «Наблюдай, учись».

— *Сколько таких, как вы, кто подбирал себе группы, было в роте?*

— Были ребята. Сколько — сказать не могу, не считал.

— *Разделения на взводы не было? Была просто рота разведки?*

— Было формальное деление на взводы, на отделения, но в поиск набирались группа захвата и группа обеспечения. Если задание сложное, то могло быть две группы обеспечения. В группу захвата входило максимум пять человек, обычно три, иногда два, а то и один. Хотя это было строго запрещено. Задача у группы захвата — захватить пленного. При захвате, если подкрался сзади, обычно начинаешь душить на сгибе руки. Второй скручивает руки. Задача группы обеспечения — дать выйти группе захвата с пленным. Они вызывают огонь на себя, отвлекают внимание. Я обычно был в группе захвата.

— *Как группа захвата отходила с пленным?*

— По обстановке, иногда ползком, иногда бегом.

— *Бывало, что немца тыкали ножом, чтобы шустрее полз?*

— Никогда такой метод не применяли. По-хорошему. Просто на пальцах объясняли, что если сейчас с нами не пойдет, то будет застрелен, а в плену будет жить. После такого объяснения они чаще всего сами ползли. Даже рот им не затыкали. Если начинал сопротивляться, орать, то затыкали рот. Иногда приходилось морду набить, чтобы он очухался.

Как-то мы сделали засаду в немецком ближнем тылу на тропинке, по которой ходили сменяться пулеметчики. Прихватили одного — трое не могли с ним справиться. Мы уже и ноги ему прострелили, и руки — ничего не можем сделать, такой здоровый, гад. Кричит, чтобы по нему огонь открыли. Так его и не взяли — пристрелили и сами еле ноги унесли. А другой — руки поднял, и все.

— *Рукопашному бою учили?*

— Друг у друга учились. Специальных учителей не было. Я говорил, что нам из разведшкол присылали молодых командиров. Вот у них учились различным приемам. Они их хорошо знали, а в поиске пусть командует тот, кто знает все ходы и выходы. Тут вся надежда на опыт.

— *Один разведчик мне говорил, что даже летом носили ватники, потому что он может задержать мелкие осколки.*

— У нас такого не было. Попробуй летом поползть, да еще в ватнике?! Ты должен быть очень подвижен. Единственная тяжесть, которую можешь себе позволить, — это патроны. Их берешь с собой побольше в карманы. Никакого вещмешка, пайка и прочего. Одежда обычная, без погон, без наград и знаков отличия. Под конец войны переоделись во все немецкое — сапоги, маскхалаты... Только пилотка своя. Но как в тыл идем, надевали немецкую. К себе идем — надеваем свою.

У меня даже не было планшетки. Как-то вызывает командир дивизии:

— А где у тебя планшетка? Ты же разведчик!

— Она же мешает, зачем она мне?

— Где карты?

— За голенищем.

Карта всегда была с собой. Причем абсолютно чистая! На ней не было никаких отметок! Ни своих позиций, ни немецких. Если тебя возьмут в плен, немец не сможет понять, где наши позиции и что ты успел разведать.

— *Чем были вооружены?*

— Поначалу ППШ. Они очень неудобные. Это дурацкий диск... Когда рожки пошли, мы уже пользовались немецким автоматом. Патронов больше? Патроны можно в карманы натолкать. Гранаты брали свои — они лучше. Немецкую, с длинной ручкой, кидать хорошо, но они долго не взрываются. Их можно ловить и кидать обратно. А нашу уже не поймашь, особенно противотанковую ударного действия. Тяжелая... В блиндаж кинешь — он наверх поднимается.

К тому же ППШ отказывал. Мы брали высотку под Кировоградом. Встретился с немцем — шелк, а затвор заело. Хорошо, сосед его пристрелил. Второй раз в тылу немецкий обоз захватили. Я — на коне, а немец в меня с винтовки целился. Я в него из автомата стреляю — шелк тоже, и нет ничего... Но у него нервы не выдержали, он бросил винтовку и поднял руки. Если бы чуть-чуть замешкался, он бы

Стоят слева направо: Петр Кузнецов, Василий Сгурин, Николай Беляев.
Сидят: командир взвода, Мстислав Иванов